

предлогомъ близкаго родства, и въ теченіе семи лѣтъ Жуковский борется съ препятствіями, которыя стали ему поперекъ на пути къ счастью. Онъ такъ полонъ сознаніемъ правъ своего сердца, что заражаетъ этой увѣренностью и другихъ, заинтересовалъ своей любовью друзей и всѣхъ, кто входилъ въ кругъ его отношеній и могъ повліять въ его пользу. Порой онъ хватается за несбыточную надежду и дѣтски гонится за ней, чаще опускаетъ руки, утѣшаясь воспоминаніемъ о всемъ прекрасномъ, что пережито чувствомъ. Воспоминаніе и чаяніе — вотъ что становится его девизомъ, основными мотивами его поэтики; они подсказаны жизнью; воспоминанія онъ любитъ называть «фонарями», освѣщающими для него ночную дорогу жизни; чаянія распространялись на мечтательную даль, гдѣ для человѣка добродѣтельнаго сбудется не удавшееся на землѣ: соединеніе съ друзьями, свиданіе съ милыми сердцу. Такъ выступало на смѣну настоящаго, гдѣ царитъ меланхолія и душа зрѣетъ страданіемъ, таинственное «тамъ», населенное милыми тѣнями прошлаго. «И много милыхъ тѣней возстаетъ», повторяетъ Жуковский за Гёте; онѣ-то спускаются къ намъ, напоминая о себѣ звуками «Эоловой арфы», но изъ той же безвѣстной дали являются порой и грозные, пугающіе призраки. Это настроеніе и вызывало балладные мотивы, видѣнія кладбища при невѣрномъ свѣтѣ луны, тѣхъ чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, которыхъ у насъ, вмѣстѣ съ мечтательностью и меланхоліей, считали признакомъ романтизма; считалъ и Жуковский. Но это не романтизмъ, а автобіографическія признанія сердца, шедшаго на встрѣчу сентиментальнымъ теченіямъ литературы и созвучнаго оссіановскаго настроенія.

Въ этой-то атмосферѣ сложились любимые образы, общія мѣста, эпитеты, все, что дѣлаетъ лирику Жуковского своеобразной; сложился его стиль. Онъ надолго связалъ его. Случалось ли ему забыть пережитое, забыться въ минутномъ увлеченіи чувства, или, скорѣе, «сердечнаго воображенія», онъ настраивался на старое, говорилъ о воспоминаніяхъ и чаяніяхъ, мечталъ и